

Все, за что борется феминистское движение в XXI веке, уже давно завоевано советскими женщинами. То был эксперимент — с ошибками и поиском новых решений, но они первыми начали путь к реальному равноправию.

ВЕНДИ ГОЛДМАН

ЖЕНЩИНЫ,
ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Венди З. Голдман

**Женщины, государство
и революция**

«Питер (Айлиб)»

1933

УДК 63.3 (2)
ББК 94 (47)

Голдман В.

Женщины, государство и революция / В. Голдман — «Питер (Айлиб)», 1933

ISBN 978-601-12-3316-3

Когда большевики пришли к власти в 1917 году, они считали, что при социализме семья отомрет. Они представляли себе общество, в котором общественные столовые, детские сады и общественные прачечные заменят неоплачиваемый труд женщин по дому. Однако к 1936 году законодательство, призванное освободить женщин от их юридической и экономической зависимости, уступило место все более консервативным решениям, направленным на укрепление традиционных семейных связей и репродуктивной роли женщин. В этой книге объясняется, как и почему был запущен этот обратный процесс. Особое внимание уделено тому, как женщины, крестьяне и сироты реагировали на попытки большевиков переделать семью и как их мнения и опыт, в свою очередь, использовались государством для удовлетворения своих собственных нужд. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 63.3 (2)

ББК 94 (47)

ISBN 978-601-12-3316-3

© Голдман В., 1933
© Питер (Айлиб), 1933

Содержание

Венди Голдман	5
Предисловие научного редактора издания на русском языке	6
Женщины, государство и революция	17
Благодарности	18
1	19
Выбросьте хозяйственные горшки	20
Свободные отношения	26
Вопрос о женской природе	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Венди Голдман
Женщины, государство и революция

Wendy Z. Goldman

Women, The State And Revolution Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936

* * *

© Cambridge University Press 1993

This translation of *Women, the State and Revolution* is published by arrangement with
Cambridge University Press

© Перевод на русский язык Спринт Бук, 2025

© Издание на русском языке, оформление Спринт Бук, 2025

Предисловие научного редактора издания на русском языке От теории – к практике Женский вопрос в мировоззрении большевизма к 1917 году

1917 год. Стояла вторая половина июля, он выдался как никогда жарким – и в буквальном, климатическом смысле, и в политическом. В Петрограде воцарилось послевкусие острейшего политического кризиса, известного в истории Великой российской революции под именем «июльский кризис», из которого Временное правительство вышло тактическим победителем. Новый состав правительства возглавил бывший тогда на пике своей яркой, хотя и весьма скоротечной, популярности военный и морской министр Александр Керенский, чей властно-силовой ресурс с каждым днем таял, как сугроб в весеннюю оттепель, уверенно сменяемую летним зноем. Большевики, выставленные главными виновниками событий 3–5 июля¹, оказались в центре ожесточенной общественной травли и были вновь загнаны в подполье, как будто бы и не было ни февральской революции, ни провозглашенного ею «царства свободы».

Вожди большевистской партии, Владимир Ильич Ленин и Григорий Евсеевич Зиновьев, будучи персонально и несправедливо обвиненными в шпионаже в пользу Германии, вынуждены были уйти в подполье. Поскольку Центральный Комитет РСДРП (б) постановил переправить Ленина и Зиновьева из Петрограда в Финляндию, для них следовало организовать переход границы, пролежавшей сравнительно недалеко от столицы. Для выполнения этой задачи партия привлекла рабочего Сестрорецкого оружейного завода Николая Емельянова, который на некоторое время спрятал вождей сперва на чердаке своего сарая близ станции «Разлив», а затем перевез на лодке через одноименное озеро на другой его берег. Там был подготовлен шалаш из сена, ставший важнейшим элементом конспиративной легенды. Теперь Ленин и Зиновьев должны были изображать из себя финских косарей, нанятых Емельяновым, в ожидании, когда последний вместе с товарищами подготовит необходимые документы и коридор для перехода границы.

Григорий Зиновьев вспоминал: «Усталый и измученный работой и передрыгами, Владимир Ильич первые пару дней прямо наслаждался невольным отдыхом. Насколько позволяли конспиративные соображения, он делал прогулки, ходил купаться на [озеро] Разлив, лежал на солнышке, беседовал с Н.А. Емельяновым, которого с первых же дней оценил как человека выдающегося ума, замечательного хладнокровия и настоящей большевистской закалки². Вынужденный отдых, однако, был вскоре совмещен с плодотворной теоретической работой. Когда Ленин находился в Швейцарии, нейтральной стране, окруженной воюющими друг с другом государствами – участниками Антанты и Четверного союза³, он, работая в Цюрихской библиотеке, выписывал в особую тетрадку под синей обложкой цитаты из разрозненных трудов Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Сегодня это не кажется такой уж сложной задачей, но в ту пору полноценного собрания сочинений классиков марксизма еще не существовало (не считая

¹ Антиправительственные выступления (в том числе и вооруженные) в Петрограде с трагически известным массовым расстрелом толпы на углу Садовой и Невского проспекта 4 июля 1917 года.

² Зиновьев Г.Е. Ленин и июльские дни (К десятилетию июльских дней) // Пролетарская революция. – 1927. – № 8–9 (67–68). – С. 67.

³ Военно-политический блок, противостоящий Антанте в Первой мировой войне. Страны-члены – Германская и Австро-Венгерская империи (основатели), а также Османская империя и Болгарское царство. Иное название: «Центральные державы». – *Примеч. ред.*

четырёхтомного издания, подготовленного социал-демократом Францем Мерингом), так что для Ленина этот самодельный справочник был чрезвычайно ценен.

Владимир Ильич узнал о революции в России как и все швейцарские обыватели – из газеты. Он спешно засобиравшись на Родину. Тетрадь с цитатами Маркса и Энгельса была отправлена почтой в Стокгольм, но там затерялась. По возвращении в Петроград, еще в первые дни своего подполья, пребывая на квартире будущего тестя Иосифа Виссарионовича Сталина Сергея Аллилуева, Владимир Ильич написал своему соратнику Льву Каменеву, жившему совсем неподалеку: „если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: „Марксизм о государстве“ (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок»⁴.

Тем не менее хлопотать об издании рукописи Льву Борисовичу не пришлось: обстоятельства изменились. «Через некоторое время Владимир Ильич вытребовал в шалаш тетрадку своей незаконченной рукописи „Государство и революция“ и здесь, лежа на животе или сидя на корточках, работал над этой рукописью⁵. Чтобы облегчить Ленину работу, Емельянов организовал ему знаменитый „зеленый кабинет“. Николай Александрович вспоминал: „Я выбрал самый большой куст, вырубил внутри него небольшую площадку, поставив два пня – один повыше – „стол“, второй пониже – „стул“, обложил кругом ветками и Владимир Ильич спокойно, с первых же дней стал заниматься – писать свой гениальный труд „Государство и революция“. Владимир Ильич очень рано вставал, умывался, и шел в этот куст, или, как он его в шутку называл, „мой зеленый кабинет“ – работать»⁶.

Читатель, взявшийся искать в небольшом трактате, впоследствии названном советскими учеными «программным произведением творческого марксизма», мысли Ленина о положении женщины, потерпит неудачу. Хотя точки подполья вождя в дальнейшем менялись, он продолжал работу над «Государством и революцией» и по переезду в Финляндию: в Ялале, Гельсингфорсе и Выборге. Но после получения известия о падении Риги под натиском германских войск, Владимир Ильич отвлекся от революционной теории, углубившись в практику. Поворот дальнейших событий не позволил ему вернуться к рукописи. В итоге она была издана в незаконченном виде в начале 1918 года. Автор снабдил издание послесловием, в котором заметил, что закончить работу ему «„помешал“ политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой „помехе“ можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященный „Опыту русских революций 1905 и 1917 годов“), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее „опыт революции“ проделывать, чем о нем писать»⁷.

Именно «проделыванию „опыта революции“» Владимиром Лениным, его соратниками и наследниками в сфере женского вопроса посвящена книга Венди Зевы Голдман, которую держит перед собой читатель. Имя американской исследовательницы ему, возможно, уже хорошо знакомо: достаточно отметить, что в серии «История сталинизма» на русском языке были опубликованы две ее работы⁸. Однако, в научной биографии автора ее первая монография *Women, the State and Revolution* занимает особое место: именно этой работой Голдман заслужила себе репутацию одного из ведущих американских специалистов по советской истории. Кроме того, эта книга, увидевшая свет в 1993 году⁹, была удостоена книжной премии на конференции в

⁴ Ленин В.И. Записка Л.Б. Каменеву // Полн. собр. соч. – Т. 49. – М.: Политиздат, 1970. – С. 444.

⁵ Зиновьев Г.Е. Указ. соч. – С. 69.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.4. Оп. 2.Д. 601. Л. 74.

⁷ Ленин В.И. Послесловие // Полн. собр. соч. – Т. 33. – М.: Политиздат, 1969. – С. 120.

⁸ См.: Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии. – М.: РОССПЭН, 2010; Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: социальная динамика репрессий. – М.: РОССПЭН, 2010.

⁹ Goldman, Wendy Z. *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge University Press, 1993.

Беркшире. Наконец, в этой работе был впервые намечен контур области научных интересов молодой, но подающей надежды исследовательницы, бывшей в ту пору ассистент-профессором (что в координатах отечественной системы научных должностей приблизительно приравнивается к доценту) Департамента истории Университета Карнеги Меллон. Пожалуй, в библиографии работ Венди Голдман ее первая монография отличается наиболее широко поставленной проблемой: здесь она исследует формирование большевистского взгляда на положение женщины и бытие семьи в будущем социальном строе, а также реализацию этих положений на практике в ходе политики, проводимой коммунистами в первые два десятилетия существования Советской власти.

Подобно тому как Ленин с начала июля по конец октября 1917 года стремительно перешел от теории к практике, выстроена и структура монографии Голдман. Пришедшие к власти в октябре 1917 года большевики вполне справедливо изображаются в ней как носители определенной политической доктрины, в рамках которой уже были сформулированы конкретные рецепты решения женского вопроса. По мере воплощения на практике своих представлений о семье и женщинах, большевики постепенно сдавали теоретические позиции, отказываясь от отдельных постулатов первоначальной доктрины. Саму доктрину автор формулирует вполне корректно, чего нельзя сказать об этапах ее формирования: в этом вопросе требуется внести некоторые уточнения.

В первую очередь следует подчеркнуть, что современные исследователи феминистского движения отдельно выделяют его марксистское направление. Как справедливо отметила Ирина Юкина, «марксистский феминизм строится на соединении идей гендерного и классового неравенств институтом частной собственности» и «восходит к работам социалистов-утопистов Ш. Фурье и Р. Оуэна, к работе Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ (1884) и А. Бебеля „Женщина и социализм“ (1879)»¹⁰. Кроме того, в рамках марксистского феминизма принято выделять, сообразно самому марксизму, «ортодоксальное» направление, выразительницы которого (например, Клара Цеткин и Роза Люксембург) буквально у всех на слуху, и «ревизионистское», представительниц которого вспоминают крайне редко, даже когда говорят о социалистическом женском движении. К числу последних можно отнести Эмму Адлер и Лили Браун (Амалию фон Кречман). Главная книга последней *Die Frauenfrage* (в русском переводе: «Женский вопрос, его историческое развитие и его экономическая сторона», 1904) была высоко оценена Августом Бебелем¹¹.

Венди Голдман в первой главе своей работы, изучая истоки большевистского видения, анализирует и идейные истоки феминизма. Но будем честны: чтобы понять место женщины в большевистской системе ценностей, вряд ли стоит говорить о проявлениях феминизма в доиндустриальную эпоху. Прежде чем приступить к анализу условного незаконченного на бумаге, но воплощенного на практике второго выпуска брошюры Ленина «Государство и революция», следует вспомнить, какие тексты сформировали русского марксиста, большевика, ярчайшим примером которого выступает сам Ленин. Именно распространение книг и рецепция изложенных в них идей творцами советской гендерной политики, а не формирование этих идей, как пишет Голдман, сыграли важнейшую роль в становлении практики решения женского вопроса в Советском государстве. В этой связи, как представляется, остановиться на этой рецепции следует поподробнее.

В истории марксистского феминизма можно выделить три основных этапа. На первом, теоретическом этапе начало которому положила работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845), происходит формирование представлений марксистов о сущности

¹⁰ Юкина И. От дам-патронесс до женотделовок: история женского движения в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – С. 369.

¹¹ Браун Л. Женский вопрос. Его историческое развитие и экономическая сторона. М.: Изд-е Д.П. Ефимова, 1902. 433 с.

женского вопроса. Второй этап начинается в 1875 году и длится по 1891-й, когда женский вопрос обретает прикладное значение и становится предметом внутривнутрипартийных дискуссий. На третьем этапе, с 1891 по 1917 год, женский вопрос и пути его решения становятся положением программных документов социал-демократических партий и, наконец, с 1917 года, после завоевания российскими социал-демократами-большевиками власти, наступает *этап масштабной политической практики*.

Российские социал-демократы в своих представлениях нередко органично совмещали как отечественные революционные традиции, так и марксистские постулаты, временами весьма причудливо истолковываемые в национальных секциях (партиях) Второго интернационала. Пожалуй, марксистские корни постановки женского вопроса и полагание, как его разрешить в будущем обществе, следует искать не столько в работах Роберта Оуэна, хотя он и признавался лучшим экономистом среди всех социалистов-утопистов, а, прежде всего, в трудах французских философов: Анри де Сен-Симона и Шарля Фурье. Именно влияние идей этих мыслителей испытали на себе непосредственно как русская, так и марксистская революционная традиция, касаясь вопроса о положении женщины в цивилизованном обществе.

Так, Сен-Симон и его ученики одним из главных пороков христианства видели угнетение женщины и на признании равноправности полов выстраивали всю систему нового христианства. В свою очередь, Фурье, включенный Энгельсом в почетную триаду великих утопистов – основателей социализма, пришел к выводу, что «расширение прав женщины есть общий принцип всякого социального прогресса»¹². Этот фурьеристский принцип наряду с начертанными Фурье картинками будущего справедливого общества, его недвусмысленный взгляд на равноправие женщины и роль семьи в жизни нового общества легли в основу построений не только Карла Маркса и Фридриха Энгельса, но и также и Николая Чернышевского и Августа Бебеля – а ведь труды именно этих мыслителей сформировали парадигму представлений российских социал-демократов не только об организации будущего общества, но и их взгляд на женский вопрос.

Как считается, идеи Шарля Фурье проникли в Россию еще в 1840-е годы, и их наиболее яркими распространителями были М.В. Буташевич-Петрашевский и члены его кружка (петрашевцы). В их среде активно читали журнал наследников Фурье *La Phalange*, в котором печатались сочинения, не изданные при жизни великого утописта. Этот журнал попал в руки молодого Николая Чернышевского, в трудах которого фурьеристские представления о будущем обществе нашли заметное отражение¹³, в том числе в контексте женского вопроса. Не случайно один из ключевых теоретиков анархизма П.А. Кропоткин называл Николая Гавриловича «дитя фурьеризма и сен-симонизма»¹⁴, подчеркивая при этом воспитательное значение публицистики Чернышевского: «он проповедовал в прикровенной форме, но вполне понятно для читателей – фурьеризм, изображая в привлекательном виде коммунистические ассоциации производителей»¹⁵.

Особенно важно в этом отношении отметить знаменитый роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», в главе четвертой которого («Четвертый сон Веры Павловны») ¹⁶ прямо описывается фаланстер¹⁷ Фурье. Георгий Плеханов, первооснователь русского марксизма, писал в 1890 году: «...автор хотел указать своим последователям на практические задачи социалистов в России. В снах Веры Павловны яркими красками рисуются социалистические идеалы автора.

¹² Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 19. – М.: Политиздат, 1961. – С. 196–197, 569.

¹³ Ляцкий Е.Н. Г. Чернышевский и Ш. Фурье // Современный мир. – 1909. – № 11. – С. 161–162.

¹⁴ Кропоткин П.А. Записки революционера. – М.: Московский рабочий, 1988. – С. 369.

¹⁵ Кропоткин П.А. Этика: избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – С. 443.

¹⁶ Чернышевский Н.Г. «Что делать?» // Полн. собр. соч. – Т. 11. – М.: Художественная литература, 1939. – С. 589–590.

¹⁷ В учении Фурье дворец особого типа, являющийся центром жизни фаланги – самодостаточной коммуны из 1600–1800 человек, трудящихся вместе для взаимной выгоды.

Картина социалистического общежития нарисована им целиком по Фурье. Чернышевский не предлагает читателям ничего нового. Он только знакомит их с теми выводами, к которым давно уже пришла западноевропейская мысль. Здесь опять приходится заметить, что взгляды Фурье уже в сороковых годах известны были в России. За фурьеризм судились и были осуждены „петрашевцы“. Но Чернышевский придал идеям Фурье небывалое до тех пор у нас распространение»¹⁸.

О влиянии сочинений Чернышевского на российскую грамотную молодежь во второй половине XIX века вспоминал П.А. Кропоткин, по мнению которого «ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение Толстого или какого-либо другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского. Она сделалась своего рода знаменем для русской молодежи, и идеи, проповедуемые в ней, не потеряли значения и влияния вплоть до настоящего времени»¹⁹.

Георгий Плеханов закрепил в русской марксистской литературе комплиментарное отношение к Николаю Чернышевскому, к которому питал «благословенное уважение... как к человеку, так и к литературному деятелю». Вместе с тем, Георгий Валентинович, ставший первым марксистским критиком творчества Чернышевского, отмечал: «мне говорили, что Маркс ставил Чернышевского гораздо выше, нежели ставлю его я»²⁰.

Но вернемся к Владимиру Ильичу, пишущему свой труд «Государство и революция». На Ленина творчество Николая Чернышевского оказало мощное влияние. По заверению его супруги, Надежды Крупской, «Чернышевского Владимир Ильич особенно любил»²¹. «Что делать?» Ленин читал еще подростком. Сохранились воспоминания о том, как Володя Ульянов давал томик товарищам по гимназии и перечитывал роман в 1887 году, после казни брата Александра, также высоко ценившего это произведение. В ту пору Владимир Ульянов, опираясь на роман, раздумывал о путях революционного развития России, определяя свой собственный путь. Оценивая влияние «Что делать?» на свое мировоззрение, Ленин делился в беседах с товарищами: «Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь», «он [роман] меня всего глубоко перепыхал»²². Одна из его соратниц, Мария Эссен, вспоминала: «Чернышевского Ленин считал не только выдающимся революционером, великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим непревзойденные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова. „Вот это настоящая литература, которая учит, вдохновляет. Я роман 'Что делать?' перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли, – говорил Ленин“»²³.

Попытка изучить русское революционное движение с гендерной позиции принадлежит американской исследовательнице Барбаре А. Энгл, проанализировавшей практику личной жизни революционерок-народниц, испытавших на себе непосредственное влияние идей Чернышевского. По мнению Энгл, стремясь всецело посвятить себя революционной борьбе, эти женщины наложили табу на свою женскую жизнь: отказывались от замужества и материнства, а когда дети все-таки рождались, то отказывались и от них²⁴. В культуру русского революционного движения прочно вошел корпоративный культ женщин-нигилисток, растворивших себя в деле освобождения народа: Софьи Перовской, Веры Засулич, Екатерины Брешко-Брешков-

¹⁸ Плеханов Г.В. Н.Г. Чернышевский // Сочинения. Т.5. – М.: Госиздат, [1925]. С. 118.

¹⁹ Кропоткин П.А. Этика: избранные труды. – С. 443.

²⁰ Плеханов Г.В. Указ. соч. – С. 128.

²¹ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. Ч.1. – М.: Политиздат, 1969. – С. 232.

²² Ленин о Чернышевском и его романе «Что делать?» / вступит. ст. Б. Рюрикова // Вопросы литературы. – 1957. – № 8. – С. 128–129.

²³ Эссен М. Встречи с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т.1. – М.: Политиздат, 1956. – С. 292.

²⁴ Энгл Б.А. Русские женщины и революционное наследие: отказ от личной жизни // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки» 1996–1998. – СПб., 1999. – С. 9–10.

ской, Веры Фигнер, Иды Аксельрод и других. После прихода к власти большевиков отдельные фигуры деятельниц российского революционного движения по-прежнему почитались, причем даже на государственном уровне. Например, в Петрограде в 1918 году Малая Конюшенная улица была переименована в честь Софьи Петровской, а перед Московским (Николаевским) вокзалом 29 декабря 1918 года в рамках реализации ленинского плана монументальной пропаганды был установлен бюст знаменитой революционерки работы Орландо Итало Гризелли. Правда, на торжественном открытии работа скульптора-кубофутуриста поразила и даже оскорбила приглашенных. Как вспоминал присутствовавший при этом Анатолий Васильевич Луначарский, «некоторые прямо шарахнулись в сторону, а З. Лилина на самых высоких тонах потребовала, чтобы памятник был немедленно снят»²⁵. Петросовет прислушался к мнению бывшей супруги своего председателя Григория Зиновьева: гипсовый бюст Софьи Перовской демонтировали уже в апреле 1919 года.²⁶ Но несмотря на этот отдельный казус, конечно, советская коммеморативная и символическая политика продолжала почитать революционерок «домарксистского периода» истории революционного движения, и «этос аскезы революционерок повлиял и на развитие моделей семьи, быта, модели женственности, идеальных образов женщин»²⁷.

Для марксисток эпохи Второго интернационала, в свою очередь, оказалось весьма характерно стремление к рефлексии гендерного аспекта истории революционного движения. Так, например, супруга отца-основателя австрийской социал-демократии Виктора Адлера Эмма в 1906 году издала книгу «Знаменитые женщины Великой французской революции», переведенную на русский язык уже в 1907 году и увидевшую свет в двух изданиях: в Одессе и Москве²⁸. Уже упомянутая первая супруга Григория Зиновьева Злата Лилина написала книгу «Безымянные героини», посвященную участию женщин во французском революционном движении²⁹.

Другим каналом, через который взгляды Шарля Фурье повлияли на воззрения социалистов в России на женский вопрос, была, конечно, марксистская традиция, выраженная прежде всего в трудах Фридриха Энгельса и Августа Бебеля. Впервые с классическим трудом Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» русский читатель познакомился еще при жизни классика, в 1894 году, когда в Петербурге вышло первое его издание (кстати, ставшее первым и в русской библиографии Энгельса). В особом примечании к тексту своего знаменитого труда Энгельс даже заметил, что он «сначала собирался привести рядом с моргановской и моей собственной критикой цивилизации блестящую критику цивилизации, которая встречается в различных местах произведений Шарля Фурье», но не нашел на это достаточно времени³⁰. По подсчетам советского философа-марксоведа Георгия Багатурии, в 1894–1910 годах книга выдержала в России десять изданий, что позволяет судить не только о высоком уровне ее востребованности³¹. Поскольку российской читающей публике к концу XIX века эти представления были хорошо знакомы по трудам Чернышевского, то теоретические построения Энгельса, в основе которых лежали новейшие этнологические изыскания, нашли для своего распространения весьма благодатную почву. Таким образом, классическая работа Энгельса основательно вписала фурьеристские представления о судьбе семьи

²⁵ Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. – М.: Советская Россия, 1968. – С. 193.

²⁶ Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве, 1920–1930-е годы: социал. – архитектур. микроисторич. иссл. – СПб.: Крига, 2016. – С. 18.

²⁷ Юкина И. Указ. соч. – С. 193.

²⁸ Адлер Э. Знаменитые женщины Великой французской революции. – Одесса: Кн. изд-во «Освобождение Труда», 1906.

²⁹ Лилина З.И. Безымянные героини: (Участие трудящихся женщин в классовой борьбе Франции). – Петербург.: Гос. изд-во, 1921.

³⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. – М.: Политиздат, 1961. – С. 177.

³¹ Багатурия Г.А. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 538.

и женщины в старом и новом общественном строе в стройную схему материалистического понимания истории.

Вместе с тем, пока российские революционеры промышляли «кружковщиной», в Германской империи стремительно росла и набирала свое влияние Социал-демократическая партия (СДПГ). Первым человеком, прямо поставившим перед ней вопрос о положении женщины в прошлом, настоящем и будущем был Фердинанд Август Бебель, бывший сооснователем СДПГ, наряду с Вильгельмом Либкнехтом (отцом революционера Карла Либкнехта). Венди Голдман воздает должное его книге «Женщина и социализм», но, рассуждая о ней преимущественно в германском контексте, не оговаривает обстоятельств ее появления. Позволим себе уточнить эти аспекты.

Прежде всего стоит отметить, что Бебелю принадлежит заслуга политической постановки женского вопроса именно в партийно-практическом смысле: благодаря автору труда «Женщина и социализм» социалистический взгляд на решение женского вопроса сошел со страниц философских трактатов и нашел свое место в партийной программе. Произошло это при следующих обстоятельствах. В 1871 году Бебель, будучи депутатом Рейхстага Северогерманского союза, выступал в поддержку Парижской коммуны и против войны с Францией, за что стараниями Отто фон Бисмарка оказался за решеткой в крепости Остерштайн (Цвиккау). Дни в заключении Бебель посвящал интенсивному самообразованию, тщательно изучая доктрины социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье. Именно воззрения последнего привели Бебеля к мысли написать свою первую партийную работу о положении женщины и начать сбор материалов для будущей книги на эту тему³². Однажды Эдуард Бернштейн, крепко увлекшийся философией популярного и небесталанного философа Евгения Дюринга, передал в тюрьму Бебелю одну из его книг. Бебель, прочитав ее, опубликовал в партийной газете *Volksstaat* статью под заголовком «Новый коммунист», в которой крайне лестно отозвался и о самом Дюринге, и о его учении. В этой статье мы находим такие строки о философе: «Он [Дюринг] только мимоходом рассматривает мечтательный, или мелкобуржуазный социализм, как его проповедовали Сен-Симон, Фурье, Прудон, так как этот социализм нельзя принимать всерьез»³³.

Эта статья Бебеля попала на глаза Энгельсу, и, надо полагать, вызвала крайнее его неудовольствие. Как известно, Маркс и Энгельс в своей переписке выражали симпатию личности Бебеля и возлагали большие надежды на молодого токаря. Когда соратник последнего, Вильгельм Либкнехт, стал настойчиво просить Энгельса дать обстоятельную критику философской системе Дюринга, Энгельс долго сопротивлялся, но, в конце концов, сдался: так в 1878 году появился его знаменитый «Анти-Дюринг». На страницах этого сочинения, ставшего одной из жемчужин марксистской мысли, Энгельс, среди прочего, старательно защищает от нападок Дюринга утопистов, в том числе и Шарля Фурье, называя того «одним из величайших сатириков всех времен»³⁴. В свою очередь, по мнению одного из крупнейших знатоков истории марксизма Давида Рязанова, «книга Энгельса дала новый и сильный толчок к изучению истории социализма. Все работы Каутского, Бернштейна, Плеханова, Меринга в этой области восходят как в своих темах, так и в общем построении из тех основных тезисов, которые Энгельс наметил в своем экскурсе в области истории социализма»³⁵. Добавим, что Бебель, после появления критики Энгельса пересмотрел свои взгляды и на Дюринга, и на учение утопистов, в том числе и Фурье: не случайно выход из печати работы «Женщина и социализм» состоялся после публикации «Анти-Дюринга».

³² Бебель А. Из моей жизни. М.: Политиздат, 1963. – С. 445–446.

³³ Рязанов Д. К 50-летию «Анти-Дюринга» // Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – С. VI–VII.

³⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. – М.: Политиздат, 1961. – С. 270.

³⁵ Рязанов Д. Указ. соч. – С. XXIV.

Первое издание книги, обессмертившей имя Бебеля в международном женском движении, увидело свет в 1879 году и насчитывало всего 180 страниц. В дальнейшем Бебель неоднократно дополнял и перерабатывал текст. В свою очередь, его знакомство с трудами Шарля Фурье привело к двоякому итогу: с одной стороны, в 1886–1887 годах Бебель завершил работу над своей брошюрой о Шарле Фурье³⁶, в которой описал его жизнь и изложил учение с марксистских позиций³⁷, с другой стороны основательно расширил в книге «Женщина и социализм» раздел о будущем социалистическом обществе, в котором можно увидеть явные отсылки к идеям, высказанным великим утопистом.

Идеи Фурье о равноправии обоих полов как главном мериле общественного прогресса чрезвычайно понравились Бебелю, несмотря на его временное увлечение Дюрингом. Будучи прежде всего партийным практиком, Бебель понимал, что эмансипация женщин теснейшим образом связана с реализацией одного из главных политических требований социал-демократии последней четверти XIX – начала XX века – всеобщего избирательного права. Столь масштабное расширение электоральной базы мыслилось Бебелю чрезвычайно перспективным направлением партийной работы. На обсуждении проекта партийной программы в Готе именно Бебель выступил за распространение избирательного права не только на мужчин, но и на женщин, но не встретил поддержки большинства съезда, где превалировали идеи Фердинанда Лассалья³⁸.

Однако Бебель продолжил борьбу за женский вопрос, поставив его в порядок дня партийной практики. В 1876 году в рамках избирательной кампании 1876–1877 по инициативе Бебеля в Лейпциге было создано первое в Германии женское политическое собрание, на котором вождь социал-демократов изложил свой взгляд на женский вопрос³⁹ и призвал женщин агитировать своих мужей голосовать за социал-демократов, отстаивающих полное политическое и социальное равноправие обоих полов. «Собрание прошло как нельзя лучше. Это было первое собрание, на котором женщины призывались к политической деятельности во время предвыборной кампании», – впоследствии вспоминал Бебель⁴⁰.

Когда в 1891 году на съезде СДПГ в городе Эрфурте была принята новая программа партии, в соответствии с упомянутыми книгами Ф. Энгельса и А. Бебеля в нее был включен пункт о положении женщины и роли семьи в будущем обществе. Карл Каутский, разъясняя положения Эрфуртской программы, писал, что по мнению социал-демократии, «для каждого особого способа производства существует также и своя особая форма домоводства, которой, в свою очередь, соответствует и своя особая форма семьи. Мы считаем ныне существующую форму семьи не последней ее формой и ожидаем, что новая форма общества разовьет и новую форму семьи»⁴¹. Так женский вопрос впервые был прямо оговорен в программе крупной парламентской партии. Влияние Эрфуртской программы на социал-демократическое движение трудно переоценить: фактически большинство партий, входящих во Второй интернационал, где германская социал-демократия играла роль если не дирижера, то точно первой скрипки, писали собственные программы по образцу Эрфуртской. Вот и Владимир Ильич Ленин, работавшая в конце 1899 года проект программы РСДРП, недавно образованной на съезде в Минске, настоятельно предлагал включить в нее отдельным пунктом «установление полного

³⁶ Bebel A. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. 2/2. München, New Providence, London, Paris: K.G. Saur Verlag, 1995. S. 421.

³⁷ См.: Бебель А. Шарль Фурье, его жизнь и учение. – СПб.: Т-во печ. и изд. дела «Труд», 1906.

³⁸ Коллонтай А. Великий борец за право и свободу женщины // Бебель А. Женщина и социализм. – Петербург: Луч, 1918. – С.Х.

³⁹ Там же. – С. XV.

⁴⁰ Бебель А. Из моей жизни. – С. 551–552.

⁴¹ Каутский К. Эрфуртская программа: коммент. к принципиал. части. – СПб.: Книгоизд-во «Жизнь и знание», 1907. – С. 46.

равенства прав женщины с мужчиной»⁴². В свою очередь, программа партии, принятая на II съезде РСДРП в 1903 году, вызвала значительно меньше дискуссий, нежели ее устав, расколовший молодую организацию на две фракции: большевиков и меньшевиков. И в тексте программы мы видим ряд пунктов, касающихся полового равноправия и женского вопроса⁴³.

В 1891–1892 годах «Женщина и социализм» была выпущена в Германии в восьми изданиях. Стремительный рост популярности книги Бебеля и включение ряда ее положений в партийную программу вынудили противников социал-демократии выступить с резкой критикой. Амбассадором этой кампании стал основатель либеральной Немецкой партии свободомыслящих (*Deutsche Freisinnige Partei, DFP*), депутат рейхстага Евгений Рихтер, выпустивший в начале 1893 года брошюру «Социал-демократические картинки будущего», представлявшую собой, в сущности, первую ласточку жанра политической антиутопии. Когда в марте 1893 года в рейхстаге вспыхнули жаркие дебаты о «государстве будущего», Рихтер язвительно цитировал фрагменты книги Бебеля, в особенности те, где речь шла о положении женщины в будущем социал-демократическом государстве. «Да почитайте только, коллега, книгу Бебеля! – насмешливо восклицал Рихтер, обращаясь к одному из депутатов-либералов. – Нельзя будет взять прислугу для ухода за детьми и для приготовления обеда, так как работница должна будет работать наравне с мужчиной!.. Там сказано: домашнее хозяйство должно быть сведено до минимума; кухни больше не будет; мы устроим большие центральные заведения для приготовления пищи, большие центральные заведения для собирания и удаления нечистот, большие центральные прачечные: там будет сосредоточена вся соответствующая работа. <..> Отделяя детей от родителей, отдавая их на воспитание государству, ограничивая домашнее хозяйство самым необходимым, вы придете к тем порядкам, которые я нарисовал, то есть к полному уничтожению семьи и домашней жизни, что повлечет за собой катастрофу в социал-демократическом государстве»⁴⁴. Вряд ли почтенный свободомыслящий депутат мог тогда предположить, насколько точно он сможет предугадать в своих экстраполяциях, основанных на строках из книги Бебеля, коммунальные эксперименты советских архитекторов.

В России рост популярности социал-демократических идей и количества соответствующих кружков породил забавный парадокс: о воззрениях Бебеля на устройство будущего общества русский читатель узнал из сатирической брошюры Евгения Рихтера, перевод которой был дозволен цензурой к печати уже 26 июня 1892 года. В специальном предисловии, которым снабдили русское издание, сообщалось, что «крайности социально-демократических воззрений, которые в конечных своих выводах приводят к совершенному отрицанию свободы отдельной личности, представляются очень многим величайшею опасностью нашего времени»⁴⁵. Всего с 1893 по 1917 год книга Рихтера была издана в России семь раз, причем шесть изданий пришлось на Первую русскую революцию 1905–1907 годов, и пять из них вышли в издательстве А.С. Суворина.

Путь критикуемой Рихтером книги Бебеля «Женщина и социализм» был более тернист, поскольку ее легальное издание в России по цензурным соображениям было невозможно. Первый ее перевод на русский язык вышел в Лондоне в 1895 году и был весьма скверного качества⁴⁶. Кроме того, полиграфически книга мало удовлетворяла нуждам подпольного импорта, в частности, была напечатана на плотной бумаге, что затрудняло ее нелегальный провоз в

⁴² Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Полн. собр. соч. Т.4. – М.: Политиздат, 1967. – С. 224.

⁴³ Протоколы Второго съезда РСДРП. – Л.: Прибой, 1924. – С. 3–4.

⁴⁴ Государство будущего: стенограф. отчет дебатов Герм. рейхстага: Речи: Бахема, Бебеля, Беттихера и др. – СПб.: Изд. Н. Глаголев, [1907]. – С. 81–82.

⁴⁵ Рихтер Е. Социально-демократические картины будущего в Германии. Вольное сатир. подражание Бебелю. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1893. – С.1.

⁴⁶ Бебель А. Женщина настоящего, прошедшего и будущего времени: Единственное автором разрешенное русское издание. – Лондон, 1895.

царскую Россию в условном кофре с двойным дном. В 1900 году в Петербурге была сделана попытка легально издать новый перевод труда Бебеля. И тем не менее, значительно более широкое распространение среди охотников до запрещенной литературы получило издание, предпринятое Г.А. Куклиным в Женеве в 1904 году. Для него социал-демократ Владимир Поссе произвел качественный перевод с последнего на тот момент 34-го немецкого издания⁴⁷. Издатель учел и необходимость нелегального транспорта для преодоления административных и цензурных препон, выстроенных самодержавием на пути книги к русскому читателю: толщина 540-страничной книги, напечатанной на тонкой папиросной бумаге, составляла всего 9 мм. Год спустя после ее выхода в России была провозглашена свобода печати, и российский книжный рынок наводнили десятки редакций книги «Женщина и социализм» Бебеля под разными заглавиями и в разных переводах. Кроме того, отдельными изданиями выходили краткие выдержки из книги, пересказы, а также главы «Социализация общества» и «Будущее общество»⁴⁸.

Востребованность и распространенность книги Августа Бебеля в России была весьма заметна уже до Первой русской революции. Бебель был нечастым примером вождя, вышедшего из рабочей среды, и потому привлекал российских пролетариев. Не случайно Михаил Бруснев, организовавший в 1889 году один из первых в России марксистских кружков, вспоминал: «Бебель был нашим идеалом, и мы хотели из своих слушателей-рабочих выработать будущих российских Бебелей»⁴⁹. Во время жандармских облав на участников рабочих кружков у них нередко находили немецкое издание книги «Женщина и социализм», как это было, например, в Киеве⁵⁰. Будущий большевик и партийный историк Мартын Лядов, занимавшийся социал-демократической кружковой работой в Москве, вспоминал, что в 1893 году «с финансовой целью» он предпринял перевод и издание на гектографе книги Бебеля и «Эрфуртскую программу» с комментариями Каутского. «Отпечатанные книги эти мы распродавали студентам за сравнительно дорогую плату, а некоторые экземпляры за плату давали им читать»⁵¹.

В то время книга Чернышевского мыслящей молодежи уже казалась старомодной. Н. Валентинов вспоминал, как в начале 1904 года, сидя за столиком в одном из женевских кафе с Лениным, Воровским и Гусевым, стал участником разговора о «литературных произведениях, имевших некогда большой успех, а через некоторое, даже короткое, время настолько „отцветавших“, что, кроме скуки и равнодушия, они ничего не встречали». И когда Валентинов, бывший на 10 лет младше Ленина и Воровского, предложил включить в список таких произведений роман Чернышевского «Что делать?», это предложение вызвало резкую отповедь Владимира Ильича, яростно защищавшего своего кумира⁵². И все же, как бы ни хотелось Ленину, его любимого Чернышевского революционно настроенная молодежь читала реже. Зато в моду вошла книга Бебеля, откуда молодые люди продолжали черпать фурьеристские взгляды на положение женщины и роль семьи в будущем обществе. В начале XX века молодые революционеры, как и их предшественники из 1870–1880-х годов, продолжали экспериментировать над своим бытом, создавая коммуны, подобные фаланстеру Фурье, ориентируясь при этом уже не на Чернышевского, а на Бебеля⁵³. Как отмечала Александра Коллонтай, книга

⁴⁷ Бебель А. Женщина и социализм / пер. с 34-го нем. изд. под ред. В.А. Поссе. – Женева: Изд. Г.А. Куклин, 1904.

⁴⁸ См. напр.: Бебель А. Социализация общества. – Киев: изд. Е.М. Алексеева, 1905; Бебель А. Социалистическое общество. – Женева: Союз русских социал-демократов, 1902; Бебель А. Будущее общество. – М.: Книгоизд-во Е.Д. Мягкова «Колокол», 1905; Бебель А. Общество будущего. – Петербург: Луч, 1917.

⁴⁹ Бруснев М.И. Возникновение первых социал-демократических организаций // Пролетарская революция. – 1923. – № 2. – С. 20.

⁵⁰ Любаров П.Е. Российское революционное движение и Август Бебель // Вопросы истории. – 1985. – № 2. – С. 34.

⁵¹ Лядов М. Как зародилась московская рабочая организация // На заре рабочего движения в Москве. – М.: Всесоюз. об-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. – С. 65.

⁵² Валентинов Н. Встречи с Лениным. – New York: Chalidze Publications, 1981. – С. 102.

⁵³ См., напр.: Левин Г.И. На путях революции: [Воспоминания 1897–1919 гг.]. – Л.: Прибой, 1930. – С. 52.

Бибеля «показала тот путь, по которому, не вредя классовому делу, и все же служа идее женской эмансипации, может спокойно шествовать рабочий класс»⁵⁴.

Но вернемся в август 1917 года. Продолжающаяся Первая мировая война катализировала процессы, о которых мечтали социал-демократы. Еще совсем недавно вряд ли можно было представить такое, но 5 февраля 1917 года на обложке популярного иллюстрированного журнала «Огонек» была опубликована фотография браковщицы снарядов, работавшей на одном из Петроградских заводов⁵⁵, а через неделю, 23 февраля 1917 года, работницы Торшиловской мануфактуры с Выборгской стороны, выйдя на демонстрацию по случаю Международного дня работниц, инициируют восстание, перешедшее в революцию, снесшую 300-летнюю власть династии Романовых. Обдумывая эти процессы в своем подполье в августе – сентябре 1917 года, создавая свой теоретический труд «Государство и революция», Владимир Ильич еще не представлял, насколько скоро предстоит перейти от теории к практике, в том числе и практике эмансипации женщин, в интересах как самих женщин (прежде всего, конечно, работниц и крестьянок), так и первого в мире государства диктатуры победившего пролетариата.

Вячеслав Николаевич Самоходкин, к.и. н., заведующий музеем «Шалаш В.И. Ленина» СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе»

⁵⁴ Коллонтай А. Указ. соч. – С. IX.

⁵⁵ Огонек. – 1917. – № 6.

Женщины, государство и революция

*Эту книгу я посвятила моим родителям Юдит и Лоуренсу
Голдманам во имя их ценностей и идеалов*

Когда большевики пришли к власти в 1917 году, многие из них были убеждены, что при социализме семья отомрет. Они представляли себе общество, в котором коммунальные столовые, детские сады и общественные прачечные заменят неоплачиваемый труд женщин по дому. Освободившись от домашнего бремени, женщины достигнут равенства с мужчинами. Взаимная привязанность и уважение заменят правовую и экономическую зависимость как основу отношений между полами. Поэтому целое поколение советских законодателей разрабатывало законы, способствовавшие освобождению женщин и «отмиранию» семьи. В 1920 году они легализовали аборты и сделали их бесплатными. Однако к 1936 году социальные эксперименты уступили место все более консервативным решениям, направленным на укрепление традиционных семейных уз и роли женщины в общественном воспроизводстве. Государство объявило аборты вне закона. Партийные чиновники осудили революционные идеи 1920-х годов как «мелкобуржуазную анархистскую пропаганду». В этой книге исследуется этот великий социальный переворот, особое внимание уделяется динамичным отношениям между государством и обществом в период отхода от идеологии революции. В ней исследуется, как женщины, крестьяне и осиротевшие беспризорники отвечали на попытки большевиков перестроить семью и как их мнения и опыт, в свою очередь, использовались государством для удовлетворения собственных потребностей.

Благодарности

Многие люди и учреждения помогли мне в работе над этим проектом. Гранты Совета по международным исследованиям и обмену позволили мне проводить исследования в Соединенных Штатах в 1983–1984 годах и в Советском Союзе в 1984–1985 годах. Совет по исследованиям в области социальных наук предоставил двухлетнее финансирование, а Национальный фонд гуманитарных наук выделил гранты на лето 1989 года и на 1990–1991 учебный год. Исторический факультет Университета Карнеги-Меллон освободил меня от преподавательских обязанностей на один семестр. Я выражаю благодарность нескольким издателям за разрешение вновь опубликовать некоторые материалы. Части главы 6 уже были представлены в книгах: *Working-Class Women and the 'Withering Away' of the Family: Popular Responses to Family Policy // Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture* / ed. Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinowitch, Richard Stites. – Indiana University Press: Bloomington, 1991; *Freedom and Its Consequences: The Debate on the Soviet Family Code of 1926 // Russian History*. – 1984. Vol. 11. – № 4. Глава 7 впервые была опубликована в книге: *Abortion, the State and Soviet Women, 1917–1936 // Russian Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / ed. Barbara Clements, Barbara Engel, Christine Worobec. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1991. О.И. Чистяков, Юрий Дружников, Кэрол Леонард, Кейт Линч, Ричард Пизани, Лесли Роуланд, Кен Страус, Ричард Стайтс и Рональд Суни заслуживают благодарности за помощь и комментарии на разных этапах работы. Эми Стэнли охотно читала и обсуждала, помогала на всех этапах и во всем и была рядом в лучшие и худшие моменты. Барбара Клементс потратила немало времени, чтобы сделать рукопись намного лучше, и я благодарна ей за ее усилия. Важные критические замечания, советы и готовность делиться идеями и возможностями Барбары Энгель стали для меня примером того, как в профессиональной сфере женщины могут помогать друг другу в продвижении общего проекта. На нашей первой встрече в мрачной комнате общежития Московского государственного университета мы начали дискуссию о женщинах, которая продолжалась на протяжении многих лет в самых разных и невероятных ситуациях. Хочу поблагодарить своего руководителя Альфреда Дж. Рибера за помощь и за то, что он протянул руку помощи в критический момент. Больше всего я хочу поблагодарить своего мужа Маркуса Редикера. Идеи этой книги являлись частью продолжительного разговора о политике, и он, как никто другой, помог мне сформировать ее содержание, стиль и направление. Он был моим главным источником вдохновения, моим самым острым критиком и всегда – моим первым читателем.

1

Истоки большевистского видения: любовь без ограничений Женщины свободны

*Любопытный факт: в каждом крупном революционном движении вопрос о «свободной любви» выступает на передний план.
Фридрих Энгельс, 1883⁵⁶*

*[Семья] будет отправлена в музей древностей, чтобы покоиться
рядом с прялкой и бронзовым топором, рядом с экипажем, паровозом и
проволочным телефоном.
С. Я. Вольфсон, советский философ и социолог, 1929⁵⁷*

В октябре 1918 года, спустя всего один год после прихода к власти большевиков, ВЦИК, законодательный орган Советов, утвердил полный Кодекс законов о браке, семье и опеке. Кодекс закрепил в законе революционное видение общественных отношений, основанное на равноправии женщин и «отмирании» семьи. По словам молодого идеалистически настроенного автора нового Семейного кодекса Александра Гойхбарга, он готовил почву для того времени, когда «сковыванье мужа и жены станет совершенно излишним». Соответственно, кодекс был построен с учетом собственного устаревания. Гойхбарг писал: «Пролетарская власть строит свои кодексы, как и все свои законы, диалектически, строит их так, чтобы каждый день их существования подрывал необходимость их существования». Короче говоря, цель закона – «сделать излишними законы»⁵⁸.

Гойхбарг и его соратники-революционеры вполне ожидали, что отомрут не только брак и семья, но и закон и государство. Ленин тщательно проанализировал будущее государства в своем знаменитом сочинении «Государство и революция», написанном в сентябре 1917 года, всего за месяц до прихода большевиков к власти. Основываясь на широко растиражированных высказываниях Маркса и Энгельса о природе государства, идеи, изложенные в «Государстве и Революции», в конечном итоге стали представлять более утопическое, склонное к либертарианству⁵⁹ и антистатизму⁶⁰ направление в противоречивом корпусе собственных мыслей Ленина, а также последующей марксистской теории. Яростно выступая против реформизма в социал-демократическом движении, Ленин считал, что победившие революционеры должны разрушить буржуазное государство и создать на его месте новое. При этом новая «диктатура пролетариата» будет в подавляющем большинстве демократической, ее власть будет мобилизована исключительно для устранения прежних эксплуататоров. Ее цель – подавление меньшинства большинством – будет «дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное», что «народ подавить эксплуататоров может и при очень простой „машине“». По словам Ленина,

⁵⁶ Цит. по: Hill, Christopher. The World Turned Upside Down. Radical Ideas during the English Revolution. – New York: Penguin Books, 1975. – P. 306.

⁵⁷ Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. – Минск, 1929. – С. 450.* (*Для издания на русском языке: если удалось найти источник цитаты или тезиса, опубликованный в СССР и России, указан такой. В иных случаях источники указаны как в оригинальном издании. – Примеч. ред.)

⁵⁸ Гойхбарг А.Г. Первый Кодекс Законов РСФСР // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 7. – С. 4, 8, 9.

⁵⁹ Либертарианство (англ. *libertarianism*, от лат. *libertas* – «свобода») – политические движения, ставящие в центр своего мировоззрения свободу. – Примеч. ред.

⁶⁰ Антистатизм – политическая позиция, отвергающая вмешательство государства в личную, социальную и экономическую жизнь индивида. – Примеч. ред.

раз большинство народа само подавляет своих угнетателей, то «особая сила» для подавления уже не нужна! В этом смысле государство начинает отмирать⁶¹.

Идеи, изложенные в «Государстве и революции», оказывали влияние на большевистское мышление вплоть до 1930-х годов. Знаменитое высказывание Энгельса, часто цитируемое Лениным, о том, что государственный механизм будет помещен «в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором»⁶², было почти дословно повторено в 1929 году С.Я. Вольфсоном, советским социологом, применительно к семье. Юристы, социальные теоретики и активисты представили сложные теоретические и исторические анализы в поддержку этих взглядов. Вкратце, большевики считали, что капитализм создал новое противоречие, наиболее болезненно ощущаемое женщинами, между условиями работы и потребностями семьи. Поскольку с приходом индустриализации все больше женщин были вынуждены работать за зарплату, конфликт между потребностями производства и воспроизводства привел к высокой детской смертности, неполным семьям, безнадзорным детям и хроническим проблемам со здоровьем. Достаточно было заглянуть в грязные окна любого российского фабричного общежития XIX века, чтобы убедиться в их правоте. Женщины вышли на рынок труда, но на них по-прежнему лежала ответственность за воспитание детей, приготовление пищи, уборку, шитье, починку – бездумную рутину домашней работы, необходимой для семьи. Домашние обязанности не позволяли женщинам наравне с мужчинами входить в общественный мир работы, политики и творчества. Капитализм, по мнению большевиков, никогда не смог бы обеспечить систематическое решение проблемы двойного бремени, которое несли женщины.

Большевики утверждали, что только социализм может разрешить противоречие между трудом и семьей. При социализме домашний труд будет перенесен в общественную сферу: задачи, которые выполняли без оплаты миллионы отдельных женщин в своих домах, приняли бы на себя наемные работники коммунальных столовых, прачечных и детских учреждений. Женщины, освободившись от домашних обязанностей, получили бы доступ в публичную сферу наравне с мужчинами. Наконец, женщины в равной мере получали бы образование, заработную плату и возможность добиваться своих собственных целей и развития. В таких условиях необходимость в браке отпала бы. Мужчины и женщины могли бы сходиться и расходиться по своему усмотрению, не подвергаясь деформирующему давлению экономической зависимости и нужды. Свободные отношения постепенно заменили бы брак, поскольку государство перестало бы вмешиваться в союз между полами. Родители, независимо от их семейного положения, заботились бы о своих детях при поддержке государства; само понятие незаконнорожденности ушло бы в прошлое. Семья, лишившись своих прежних социальных функций, постепенно отмерла бы, уступив место полностью автономным, равноправным индивидам, свободным выбирать себе партнеров на основе любви и взаимного уважения.

Выбросьте хозяйственные горшки

В бурные месяцы после революции многие большевистские теоретики и активисты предсказывали скорый переход к новому общественному строю. На конференции работниц в 1918 году Инесса Арманд, заведующая женотделом партии, с наивной горячностью заявила: «Буржуазный строй упраздняется... Единичные, отдельные домашние хозяйства стали вредным пережитком, который только задерживает и затрудняет проведение новых форм распределения. Они должны быть отменены»⁶³. Политика военного коммунизма (1918–1921) способствовала идее, что новые социалистические формы быстро вытеснят старые. Государственное нор-

⁶¹ Ленин В.И. Государство и революция // Избранные произведения. – Т.2. – М., 1970. – С. 352, 353, 317.

⁶² Engels, Frederick. The origin of family private property and state. – New York: International, 1972. – P. 232.

⁶³ Как вспоминает и цитирует С.Н. Смидович: Смидович С.Н. О новом Кодексе законов о браке и семье // Коммунистка. – 1926. – № 1. – С. 46.

мирование, общественные столовые, бесплатное питание для детей, натуральная оплата труда – все это поддерживало оптимистическую оценку того, что домашний труд скоро исчезнет. Первый нарком юстиции П.И. Стучка позже отмечал: «Период военного коммунизма показал нам одно: план свободной семьи будущего, когда исчезнет роль семьи как ячейки производства и потребления, как юридического лица, как социального страховщика, как оплота неравенства, как ячейки для кормления и воспитания детей»⁶⁴. Александра Коллонтай, одна из немногих большевистских лидеров женского пола, автор многочисленных работ по женскому вопросу, оптимистично оценила ослабленное состояние семьи в конце гражданской войны и провозгласила ее уже изжившей себя: «В настоящий момент, когда в общий план народного хозяйства входит общественное питание как самостоятельная отрасль, вытесняющая индивидуальное потребление, за семьей пролетариев не остается ни одной хозяйственной, т. е. ни одной скрепы, которая на протяжении веков создавала ее устойчивость». Государство уже взяло на себя воспитание и содержание детей, объясняла Коллонтай, и когда домашний труд перейдет в сферу наемного труда, от семьи не останется ничего, кроме «духовно-душевной связи». Институт брака потерял актуальность, поскольку он не имеет «никаких хозяйственных или социальных заданий» и больше не требует «учета, контроля или руководства со стороны коллектива»⁶⁵.

Возможно, энтузиазм Коллонтай был несколько преждевременным, но она была не одиноким в своих мыслях. Юристы, члены партии, специалисты по социальному планированию, активисты женского движения и другие на протяжении 1920-х годов широко пропагандировали идею скорого отмирания семьи. Сотни памфлетов, книг и статей о создании «новой жизни» при социализме были опубликованы для научной и массовой аудитории⁶⁶. В среде молодежи разгорались дискуссии. Под сомнение ставились разделение труда по признаку пола, правовые основы семьи, моральный авторитет и экономическая эффективность. Хотя теоретики партии разделяли мнение о том, что семья рано или поздно отомрет, они высказывали множество разногласий по поводу семейных и общественных отношений. Партия не имела официальной точки зрения, и мнения высказывались свободно, особенно по таким спорным вопросам, как сексуальные отношения, воспитание детей и необходимость семьи в период перехода к социализму.

Учитывая, что семья, по общему мнению, должна была исчезнуть, вопрос о том, как организовать домашний труд, вызвал широкую дискуссию. Ленин неоднократно говорил и писал о необходимости обобществления домашнего труда, называя его «самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким трудом, какой осуществляет женщина»⁶⁷. Не стесняясь в выражениях, он писал, что «мелкая работа по дому подавляет» и «унижает» женщину, «приковывает ее к кухне и детской, где она тратит свой труд на мелкую, отупляющую, непроизводительную работу». Ленин явно презирал работу по дому. Он утверждал, что для «полного освобождения женщины» и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде⁶⁸.

Коллонтай также утверждала, что при социализме все домашние дела будут ликвидированы, а потребление перестанет быть индивидуальным и внутренним семейным делом. Частная кухня будет заменена общественной столовой. Шитье, чистка и стирка, как и горное дело,

⁶⁴ Стучка П.И. Семейное право // Революция права. – 1925. – № 1. – С. 180.

⁶⁵ Коллонтай А. Семья и коммунизм // Коммунистка. – 1920. – № 7. – С. 17, 18. О Коллонтай и ее вкладе см.: Clements, Barbara. *Bolshevik Feminist. The Life of Aleksandra Kollontai*. – Bloomington: Indiana University Press, 1979; *Emancipation through Communism: Ideology of A.M. Collontai* // *Slavic Review*. – 1973. – № 30. – P. 323–338; Farnsworth, Beatrice. *Alexandra Kollontai. Socialism, Feminism and Bolshevik Revolution*. – Stanford: Stanford University Press, 1980.

⁶⁶ См., например, сборник статей, собранный Е. Ярославским: *Вопросы жизни и борьбы: сборник / под ред. Ем. Ярославского*. – Л., 1924.

⁶⁷ Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 39. – М., 1974. – С. 198–205.

⁶⁸ Lenin V.I. *The Emancipation of Women*. – New York, 1934. – P. 63, 69.

металлургия и машиностроение, станут отраслями народного хозяйства. Семья, по мнению Коллонтай, представляла собой неэффективное использование труда, пищи и топлива. «С точки зрения народного хозяйства» семья «должна быть признана не только бесполезной, но и вредной»⁶⁹. А известный советский экономист Евгений Преображенский отмечал, что традиционное разделение труда в семье мешает женщине достичь подлинного равноправия, так как «семья и домашнее хозяйство ложится всей тяжестью прежде всего на нее». Единственным выходом, по мнению Преображенского, был «большой общественный котел, разбивающий домашние горшки»⁷⁰.

В отличие от современных феминисток, выступающих за перераспределение домашних обязанностей внутри семьи и увеличение доли мужчин в домашнем хозяйстве, большевистские теоретики стремились перенести домашнюю работу в общественную сферу. Преображенский четко выразил это различие. «Задача наша состоит не в том, чтобы добиться справедливости в деле распределения труда между полами, – писал он. – Задача заключается в том, чтоб женщину и мужчину освободить от кустарничества в деле воспитания детей»⁷¹. Ликвидация семьи, а не конфликт полов в ней была ключом к эмансипации женщин. Социализация домашнего труда устранила бы зависимость женщин от мужчин и способствовала бы новой свободе в отношениях между полами. Троцкий заявлял, что «стирать белье должна хорошая общественная прачечная. Кормить – хороший общественный ресторан. Обшивать – швейная мастерская», и тогда «связь мужа и жены освобождается от всего внешнего, постороннего, навязанного, случайного». Возникнут новые отношения, ни для кого не обязательные, определяемые «только взаимным влечением»⁷². Советский брачный идеал 1920-х годов – это партнерство равных, союз товарищей, основанный на взаимной привязанности и объединенный общими интересами⁷³.

Советские теоретики признавали, что для создания товарищеского союза необходимо, чтобы женщина стала равной мужчине. Писатель М. Шишкевич, давая советы широкой аудитории рабочих и крестьян, заметил: «Как часто ссоры, размолвки происходят потому, что супруги расходятся во взглядах. Муж почитал кое-что, послушал лекций и смотришь – поинему смотрит на жизнь. А жена все по-прежнему с кухонными горшками да судачит с соседками».

Если женщины не участвуют в культурной и политической жизни, их отношения с мужчинами не могут быть основаны на взаимном уважении. Обращаясь к идеалу товарищеского союза, Шишкевич советовал своим читателям: «...участие обоих супругов в общественной жизни, облегчая взаимное понимание, вырабатывает и уважение к жене как к равному, другу, товарищу»⁷⁴. Советские теоретики предвидели отношения, основанные на «свободном союзе» или «свободной любви». Ленин, надо отметить, категорически не любил эти термины из-за их ассоциации с буржуазной распушенностью. Но тем не менее он считал, что без любви нет основы для отношений. «Нельзя быть демократом и социалистом, – писал он, – не требуя сейчас же полной свободы развода»⁷⁵.

⁶⁹ Коллонтай А. Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений // Коммунистка. – 1921. – № 12–13. – С. 29.

⁷⁰ Преображенский Е. Путь к раскрепощению Женщины // Коммунистка. – 1920. – № 6. – С. 20.

⁷¹ Преображенский Е. Путь к раскрепощению Женщины // Коммунистка. – 1920. – № 6. – С. 20.

⁷² Троцкий Л. «От старой семьи – к новой» // Правда. – 1923. – 13 июля; Перепечатано в книге: *Women and the Family*. – New York: Pathfinder Press, 1970. – P. 26.

⁷³ Об изменении советского супружеского идеала см. в статье: Shlapentokh, Vladimir. *Love, Marriage, and Friendship in the Soviet Union. Ideals and Practices*. – New York: Praeger, 1984.

⁷⁴ Шишкевич М. Семья и брак в условиях нового быта // Семья и брак в прошлом и настоящем. – М., 1925. – С. 101–102.

⁷⁵ См. обмен мнениями Ленина с Инессой Арманд в книге: *Lenin*. Op. cit. – P. 36–40, 42.

И все же, как долго могли сохраняться союзы, основанные на взаимных чувствах? День, год, всю жизнь? Советские теоретики расходились в ответах. Одни предвидели свободную сексуальную жизнь, ограниченную лишь естественным желанием. Коллонтай утверждала, что нормы морали, как и семья, сложились исторически и поэтому могут изменяться. «В явлениях природы нет ни морали, ни безнравственности, – писала она. – Удовлетворение здорового и естественного инстинкта только тогда перестает быть нормальным, когда оно переходит границы, устанавливаемые гигиеной». Она поясняла: «Половой акт должен быть признан актом не постыдным и греховным, а естественным и законным, как и всякое другое проявление здорового организма, как утоление голода или жажды». Ленин занял более консервативную позицию, проявив свои закоренелые викторианские предрассудки в самой метафоре своего ответа: «Конечно, – писал он, – жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи?»⁷⁶

Семен Яковлевич Вольфсон, социолог, профессор права, экономики и диалектического материализма, соглашался с Коллонтай, утверждая, что «единственными определяющими факторами» брачного союза станут «глубокое внутреннее чувство и взаимная склонность» супругов. Привязанность и влечение будут единственными факторами, определяющими продолжительность отношений. В ответ на предсказание Каутского о сохранении при социализме семьи как «этической единицы» Вольфсон фыркнул: «семья как „этическая единица“, лишенная социально-экономических функций, представляет собою нонсенс»⁷⁷.

Другие были более осторожны в своем подходе к сексуальности. Шишкевич предполагал, что «в условиях нового быта допустима полная свобода половых союзов», однако он считал необходимым ограничить сексуальную свободу в переходный период. Пока государство не может заботиться о детях и пока секс сопряжен с возможностью беременности, мужчины не должны освобождаться от своих обязанностей по отношению к женщине. «Если бы вопрос решить именно в смысле полной безответственности мужчины, – писал он, – то нет никакого сомнения, что женщина-мать в наших экономических условиях попадала бы в тяжелое положение»⁷⁸. Для женщин страх перед беременностью все еще оставался большим камнем преткновения на пути к свободному проявлению сексуальности.

Ленин тоже подчеркивал социальные последствия сексуальных отношений, хотя ему были глубоко неприятны рассуждения о сексуальности в целом, и он считал подобные увлечения праздным и непродуктивным времяпрепровождением. «Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, – говорил он Кларе Цеткин, – как индийский факир созерцанием своего пупа». Обеспокоенный последствиями свободной сексуальности в обществе, существовавшем до введения контрацептивов, Ленин отмечал, что личное поведение индивида приобретает новое значение для коллектива, когда речь идет о детях. «...В любви участвуют двое, – говорил он, – и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу»⁷⁹.

Очевидно, что судьба и воспитание детей занимали центральное место в любой дискуссии о сексуальности. И здесь советские теоретики расходились во мнениях. Все смутно соглашались с тем, что в конечном итоге все дети будут находиться под опекой государства в государственных яслях, детских садах и школах. Зинаида Теттенборн, эксперт по вопросам незаконнорожденности и прав детей, уверенно заявила: «Воспитание будет равным и общим для всех детей, и ни один воспитанник не будет поставлен в худшие условия, чем другой»⁸⁰.

⁷⁶ Коллонтай. Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений. – С. 31; Lenin. Op. cit. – P. 106.

⁷⁷ Вольфсон. Социология брака и семьи. – С. 446, 447.

⁷⁸ Шишкевич. Указ. соч. – С. 110.

⁷⁹ Lenin. Op. cit. – P. 101, 106.

⁸⁰ Теттенборн З. Родительские права в первом Кодексе законов РСФСР // Пролетарская революция и право. – 1919. – № 1. – С. 26.

Однако советские теоретики не были уверены в том, как реализовать это принципиальное предписание. Должны ли родители сохранять главную роль в воспитании своих детей? Или государство должно было полностью взять на себя родительскую роль? Некоторые теоретики утверждали, что родители не способны воспитывать детей: невежество родителей и семейный эгоизм тормозят развитие детей и сужают их кругозор. Государство может гораздо лучше справиться с воспитанием здоровых граждан. Другие считали, что государство должно просто поддерживать родителей в совмещении работы с воспитанием детей с помощью множества дополнительных услуг.

В. Дюшен, педагог, в 1921 году составил детально проработанный план, в котором доказывал, что эгоистический дух семьи несовместим с социалистической этикой. Семья, писал он, противопоставляет «свои интересы общественным, считая, что лишь люди, связанные кровными узами, являются теми людьми, о которых нужно заботиться, которым нужно помогать». Матери приносили детям больше вреда, чем пользы, поскольку даже «мать-педагог» была не способна «достаточно объективно подойти к своему ребенку». Дюшен составил тщательно продуманный план создания целых детских поселений и городов, в которых проживало бы от 800 до 1000 детей в возрасте от 3 до 18 лет. Дома должны быть разделены по возрасту и полу, возглавлялись бы специально подготовленными педагогами, а управлялись бы советом, состоящим из детей, учителей и технического персонала. Дюшен даже планировал выезды, во время которых дети в поселениях посещали бы свои семьи, чтобы увидеть «изнанку жизни»⁸¹. Мрачный взгляд Дюшена на родительскую роль разделял Гойхбарг, автор Семейного кодекса. Гойхбарг призывал родителей отказаться от «узкой и неразумной любви к детям». По его мнению, государственное воспитание «дает гораздо лучшие результаты, чем частный, индивидуальный, ненаучный и нерациональный уход отдельных „любящих“, но невежественных в деле воспитания родителей»⁸². Дюшен стремился создать демократические, общинные организации, чтобы противостоять иерархическим, авторитарным отношениям в семье. И он, и Гойхбарг рассчитывали заменить наукой любовь, «рациональностью» педагогов – «неразумие» родителей.

Коллонтай была менее критична к родителям, но и она предвидела значительное расширение роли государства. По ее мнению, ослабление связи между родителями и детьми было исторически неизбежным. При капитализме экономическая нужда не позволяла родителям проводить время с детьми. Вынужденные работать в раннем возрасте, дети быстро обретали экономическую независимость: «Исчезает прежнее повиновение, родительская власть слабеет». Ссылаясь на изображение семьи, данное Энгельсом в книге «Положение рабочего класса в Англии», она заключила: «Точно так, как отмирает домашнее хозяйство, так все меньше и меньше остается таких обязанностей в семье по отношению к детям». Коммунизм завершит этот процесс. «Общество вскормит его [ребенка], даст ему воспитание, образование», – предсказывала Коллонтай, хотя родители по-прежнему будут сохранять эмоциональную связь со своими отпрысками. Женщины получают возможность совмещать материнство и работу, не беспокоясь о благополучии своих детей. По мнению Коллонтай, женщина будет рожать, а затем возвращаться «к работе, которую она выполняет для большой семьи-общества». Дети росли в яслях, детском саду, детской колонии и школе под присмотром опытных нянь и учителей. И когда бы мать ни захотела увидеть своего ребенка, «она должна была только сказать слово»⁸³.

Теттенборн придавала большую значимость связи родителей и детей, хотя и она представляла себе расширение роли государства. Введение государственного воспитания, по ее мнению, не «равносильно отстранению родителей от детей», но позволит им проводить больше

⁸¹ Дюшен В. Проблемы женского коммунистического движения. Проблемы социального воспитания // Коммунистка. – 1921. – № 12–13. – С. 26–27.

⁸² Гойхбарг А.Г. Брачное, семейное и опекуное право Советской республики. – М., 1920. – С. 5.

⁸³ Kollontai A. Communism and the Family // Selected Writings. – New York; London: W.W. Norton, 1977. – P. 257–258, 134.

времени вместе. Социализированное воспитание детей будет организовано демократическим путем. Счастливо представляя себе будущее, она писала: «Мы будем тогда в совершенно демократическом обществе. Воспитательные комитеты будут состоять из родителей – мужчин и женщин – и из воспитателей»⁸⁴.

Таким образом, советские теоретики расходились во мнениях о том, насколько велика будет роль родителей в воспитании детей, но все они соглашались с тем, что государство будет оказывать существенную помощь и что материнство больше не будет отвлекать женщин от работы и общественной жизни. Самое важное, что, поскольку государство возьмет на себя большую часть бремени по воспитанию детей, семья потеряет еще одну социальную функцию, которая исторически обеспечивала ей основу для существования. По словам правоведа Якова Бранденбургского, «мы, несомненно, движемся к социальному кормлению детей, к обязательным бесплатным школам, к широчайшему социальному обеспечению за государственный счет». И по мере того, как «правительство развивается и крепнет, как его помощь становится все более реальной, широкая семейная группа будет постепенно исчезать»⁸⁵.

В общем, советские теоретики считали, что переход к капитализму преобразил семью, подорвав ее социальные и экономические функции. При социализме она будет отмирать, а при коммунизме полностью прекратит свое существование. По словам Коллонтай, «семья, лишенная всяких хозяйственных задач, не несущая ответственности за подрастающее поколение, не служащая более для женщины основным источником ее существования, перестает быть семьей. Она суживается, превращаясь в союз брачной пары, основанной на взаимном договоре»⁸⁶.

Таким образом, большевики предложили, казалось бы, простое решение проблемы угнетения женщин. Однако их предписания, несмотря на внешнюю простоту, основывались на сложных предположениях об источниках и смысле освобождения. Во-первых, они имели в виду, что домашний труд должен быть почти полностью удален из дома. Он не должен был перераспределяться между представителями разных полов внутри семьи. Большевики не призывали мужчин участвовать в «женском труде», а стремились просто перенести эти задачи в общественную сферу. Хотя они часто отмечали, что мужчины должны «помогать» женщинам по дому, они не ставили перед собой в полной мере задачу перестройки ролей представителей разных полов в семье.

Во-вторых, они полагали, что женщины станут свободными только в том случае, если войдут в мир наемного труда. Вместо того чтобы пересмотреть ценность, которую общество придавало работам, выполняемым женщинами дома, они отвергали домашний труд как вызывающий отупление исток политической отсталости. Только отдельная заработная плата могла обеспечить женщинам экономическую независимость и доступ к более широкому общественному миру. Для экономического и психологического освобождения женщины должны были стать более похожими на мужчин, а точнее на работников мужского пола.

В-третьих, большевики не придавали большого значения сильным эмоциональным связям между родителями и их детьми. Они полагали, что большую часть необходимой заботы о детях, даже младенцах, можно переложить на плечи оплачиваемых государственных служащих. Они не придавали значения роли связи матери и ребенка в выживании и раннем развитии младенцев, хотя даже самое поверхностное знакомство с работой дореволюционных домов подкидышей показало бы шокирующе низкий уровень выживаемости младенцев в специальных учреждениях и препятствия для здорового развития детей⁸⁷. По мнению многих теоре-

⁸⁴ Теттенборн. Родительские права в первом Кодексе законов РСФСР. – С. 26–27.

⁸⁵ Бранденбургский Я.Н. Курс по семейно-брачному праву. – М., 1928. – С. 20.

⁸⁶ Коллонтай. Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений. – С. 29.

⁸⁷ Замечательное описание дореволюционных домов подкидышей см.: Ransel, David. Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988.

тиков, проблемы, создаваемые детьми, были почти идентичны проблемам домашней работы. Поэтому и решения их были примерно такими же.

В-четвертых, социалистическое видение освобождения содержало в себе определенное напряжение между личностью и коллективом или государством. Хотя большевики выступали за личную свободу человека и устранение религиозного и государственного авторитета в вопросах сексуального выбора, они предполагали, что государство возьмет на себя задачи по воспитанию детей и домашнему труду. Таким образом, хотя большевистская идеология пропагандировала либертарианскую свободу личности, она также неизмеримо повышала социальную роль государства, устраняя такие посреднические органы, как семья. В идеале личность и коллектив находились в диалектическом равновесии, причем свобода первой обеспечивалась повышенной заботой и ответственностью второго. В этом смысле видение сексуальной свободы не сильно отличалось от Марксова обещания творческой самореализации личности в условиях широко социализированной экономики. Однако этот идеал характеризовался нарушением равновесия, и напряжение между индивидуальной свободой и мощным ростом государственных функций и контроля порождало все более жестокую борьбу в начале 1930-х годов.

Очищенное от прикрас, большевистское видение основывалось на четырех главных принципах: свободные отношения, эмансипация женщин через наемный труд, социализация домашнего труда и отмирание семьи. Каждый из них имел свою собственную историю, хотя они возникали в разные моменты. Сначала развивалась идея свободных отношений, проявлявшаяся еще в Средние века и снова в XVII веке, но в отрыве от стремления к освобождению женщин. За ней в XVIII веке последовали дискуссии о равноправии женщин и растущее осознание их угнетения. В XIX веке свободные отношения и эмансипация женщин были спаяны с требованиями социализации домашнего труда и отмирания семьи, которые теперь подкреплялись большим акцентом на государство как основной источник социального обеспечения. Большинство этих идей родилось и поддерживалось движениями за более справедливый, коммунальный социальный порядок. Проследив их истоки и развитие, можно определить интеллектуальные основы большевистской мысли о женщинах и семье и предположить, что было нового и оригинального во вкладе поколения революционеров, пришедших к власти в 1917 году.

Свободные отношения

На протяжении всего Средневековья церковь обвиняла многочисленные секты в ереси распутства и свободных отношений. В XII веке Братья свободного духа с нетерпением ожидали наступления последнего этапа в истории мира, когда люди будут наставляемы непосредственно Богом. Сто лет спустя французские верующие утверждали, что человек, по-настоящему соединившийся с Богом, не способен на грех⁸⁸. В XIV веке немецкие бегины и бегарды, небольшие группы, посвятившие себя бедности и простой общинной жизни, были обвинены в распространении ереси «свободного духа» – идеи о том, что «где дух Господень, там и свобода» и что люди могут заниматься сексом без греха. Эту идею вновь озвучил Мартин Гуска, чешский священник-бунтарь XV века, который проповедовал: «Отче наш, сущий в нас» и был сожжен за эту еретическую молитву в 1421 году. Его самых радикальных последователей, адмитов, обвиняли в том, что они имитируют ложную эдемскую невинность, обнажаясь, вступая в сексуальные отношения и заявляя о своей безгрешности⁸⁹. Многие из этих сект также исповедовали примитивный коммунизм и проповедовали ненависть к богатству и церковной вла-

⁸⁸ Nigg, Walter. *The Heretics*. – New York: Knopf, 1962. – P. 226–236.

⁸⁹ Lambert, Malcolm. *Medieval Heresy. Popular Movements from Bogomil to Hus*. – New York: Holmes and Meier, 1977. – P. 173–178, 322–323.

сти⁹⁰. И хотя они часто практиковали коллективизм, их идеи о свободных отношениях основывались на представлениях о безгрешности и единении с Богом и не были направлены на преобразование брака и семьи или на эмансипацию женщин.

Идеи свободных отношений вновь возникли в XVII веке, вызванные Английской революцией и тем, что один историк назвал «первой современной сексуальной революцией». Хотя и здесь идея свободных отношений нашла своих самых энергичных сторонников в религиозных хилиастических⁹¹ сектах, она сопровождалась резкой критикой традиционных брачных укладов со стороны как низших, так и средних классов. К 1600 году треть населения Британии потеряла доступ к земле или ремеслу. Наемные рабочие-мигранты, согнанные с земель крестьяне и неудачливые торговцы оказались оторванными от прежних крестьянских брачных обычаев. Поскольку у них практически не было перспектив создать самостоятельное хозяйство, их брачное поведение было более свободным, часто основанным на самозамужестве и саморазводе⁹². Привлеченные хилиастическими сектами, а также радикальным антиномианством⁹³, эти группы атаковали старые формы обычаев снизу.

В то же время успешные дельцы и процветающие фермеры, получившие выгоду от огораживаний⁹⁴ и новых возможностей в торговле и производстве, атаковали народную культуру сверху. Презирая крестьянские обычаи как простонародные, они отвергали старые традиции в пользу нового акцента на товарищеском союзе. В 1640-х и 1650-х годах эти два направления – антиномианством и пуританство – усилили друг друга и объединились в своей атаке на существующий порядок⁹⁵.

Критика брака охватывала широкий спектр альтернатив – от товарищеского союза до свободной любви. Пуританская доктрина подчеркивала идею товарищеского брака, при котором жена, все еще подчиненная власти мужа, будет в большей мере «помощницей» и равной. Критически относясь к публичным празднествам, они выступали за небольшие частные свадьбы и ненадолго ввели гражданский брак (1653–1660) в надежде получить больший контроль над брачным выбором своих детей⁹⁶. Другие религиозные секты также отказались от церемонии бракосочетания в пользу простого заявления пары перед собравшейся общиной и практиковали аналогичную форму развода. И если пуритане стремились к более строгому контролю над браком, то другие критики склонялись к тому, чтобы ослабить ограничения. Поэт Джон Мильтон горячо выступал за либерализацию разводов, а другие стремились ограничить абсолютную патриархальную власть, которой обладали мужья и отцы. Рантеры, одна из самых радикальных религиозных сект, пошли еще дальше, проповедуя свободную любовь, упразднение семьи и «случайные сексуальные связи с самыми разными партнерами»⁹⁷. Они воспевали сексуальность и, подобно своим средневековым предшественникам, отрицали греховность секса. Некоторые выдвинули светское понятие брака по контракту, ежегодно возобновляемому мужем и женой. Эбизер Копп, рантер и оксфордский ученый, нашел востор-

⁹⁰ Карл Каутский считает эти секты прямыми предшественниками современных социалистов. См.: Kautsky, Karl. *Communism in Central Europe at the Time of the Reformation*. – New York: Russell and Russell, 1959.

⁹¹ Хилиасты (греч. *chiliás* – «тысяча») или милленарии (лат. *mille* – «тысяча») – адепты религиозно-мистического учения о предстоящем на земле «тысячелетнем царстве божьем».

⁹² Gillis, John. *For Better, For Worse. British Marriages, 1600 to the Present*. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – P. 102, 13, 99.

⁹³ Антиномианство (др. – греч. *ἀντι* – «против», *νόμος* – «закон») – отрицание законов Ветхого Завета.

⁹⁴ Огораживания – экономическая политика, выражавшаяся в насильственной ликвидации общинных земель и обычаев в Европе на ранней стадии развития капитализма.

⁹⁵ Лоренс Стоун предлагает другую интерпретацию, отмечая, что к 1640 году преданность родственным связям снизилась, обратившись внутрь семьи: Stone, Lawrence. *The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800*. – New York: Harper, 1979. – P. 107, 109; Gillis. *For Better, For Worse. British Marriages, 1600 to the Present*. – P. 102.

⁹⁶ Gillis. *For Better, For Worse. British Marriages, 1600 to the Present*. – P. 82, 85, 55, 56, 86.

⁹⁷ Durston, Christopher. *The Family in the English Revolution*. – Oxford: Basil Blackwell, 1989. – P. 12.

женную аудиторию среди бедняков за свои пламенные осуждения моногамии и нуклеарной семьи⁹⁸. Различные секты выступали за расширение прав женщин, основываясь на своей религиозной убежденности в «фундаментальных естественных правах». Некоторые секты разрешали женщинам участвовать в управлении церковью и даже проповедовать. Квакеры, подчеркивая возвышенную связь каждого человека с Богом, исключали из церемонии бракосочетания клятву жены подчиняться мужу⁹⁹.

Однако даже среди радикалов и диссидентов критика семьи и угнетения женщин оставалась рудиментарной. Джерард Уинстэнли и его радикальные диггеры вернулись к подтверждению места мужчины как главы семьи и выступали против доктрины свободной любви рантеров. Уинстэнли утверждал, что свободная любовь едва ли улучшает положение женщин. «Мать и ребенок, рожденный таким образом, – писал он, – окажутся в наихудшем положении, ибо мужчина уйдет и оставит их... после того, как получит свое удовольствие». Как отметил Кристофер Хилл, в отсутствие эффективного контроля рождаемости «сексуальная свобода, как правило, оставалась свободой только для мужчин»¹⁰⁰. Более того, многие радикальные секты никогда не соглашались на равноправие женщин, и даже левеллеры, выступавшие за «естественные права», не включали женщин в свои планы по расширению политического избирательного права¹⁰¹ 101.

Таким образом, критика семьи, возникшая в середине XVII века, была весьма ограниченной. Узкое признание прав женщин коренилось в новой религиозной идее о непосредственной связи каждого человека с Богом. Эта идея имела сильные либертарианские последствия и бросала серьезный вызов устоявшимся церковным и государственным институтам. Но она не отвергала патриархальное правление в семье. Некоторые религиозные секты расширили роль женщин в церкви, но не предложили критики экономической зависимости или угнетения женщин. Пуританское представление о товарищеском браке смягчало подчиненное положение женщин, но стремление к освобождению женщин не было его источником. Утвержденная на религиозных соображениях («душа не знает различий полов»), идея товарищеского союза соответствовала растущему значению семей среднего объема, в которых жена служила «младшим партнером» в деле, которым владела и управляла семья¹⁰².

Если пуританская идея товарищеского союза коренилась в потребностях и стремлениях преуспевающих фермеров и дельцов, то идеи рантеров, самых крайних критиков брака и семьи, основывались на обычаях бедноты, не сидевшей на месте. Лишенные собственности крестьяне и обедневшие ремесленники, не имея ничего, что могло бы их привязать к месту, и вынужденные кочевать, чтобы заработать себе на пропитание, часто соединялись и расходились по взаимному согласию через «самобраки» и «саморазводы»¹⁰³. Но обычаи рабочих-мигрантов не были доминирующей социальной силой в XVII веке. Как и проповеди рантеров, они были скорее предвестниками более поздних радикальных идей, чем реалистичной программой народного движения.

После Английской революции начали развиваться пуританство и антиномианство. Пуританская элита пыталась сделать брак привилегией экономически независимого населения, освободив от него бедноту. К концу XVIII века их акцент на узкой, товарищеской, накопительной семейной ячейке был широко принят всеми имущественными классами, независимо от религии. Радикальные религиозные секты, восставшие против брачных пошлин, ушли в под-

⁹⁸ Gillis. For Better, For Worse. British Marriages, 1600 to the Present. – P. 102–103.

⁹⁹ Hill, Christopher. Op. cit. – P. 308, 310, 312, 315; Durston. Op. cit. – P. 10, 12, 15, 16, 18–19, 20.

¹⁰⁰ Winstanley as quoted in: Hill, Christopher. Op. cit. – P. 319.

¹⁰¹ Durston. Op. cit. – P. 25, 26, 30; Gillis. For Better, For Worse. British Marriages, 1600 to the Present. – P. 103.

¹⁰² Hill, Christopher. Op. cit. – P. 311, 306–307.

¹⁰³ Gillis. For Better, For Worse. British Marriages, 1600 to the Present. – P. 99.

полье. Их видение мира как одной большой семьи было малопривлекательным для растущих средних классов¹⁰⁴.

Вопрос о женской природе

На протяжении XVIII века рост кустарной или домашней промышленности оказывал значительное влияние на роль женщин, поскольку экономика домохозяйств все больше характеризовалась сочетанием сельского хозяйства и ручного производства¹⁰⁵. Развитие домашней промышленности подрывало патриархальную власть и разделение труда по признаку пола, снизило возраст первого брака и привело к росту рождаемости. Поскольку заработок заменил собственность как основу для создания отдельного домохозяйства, молодые люди все чаще вступали в брак из личного влечения, «не задумываясь о материальных соображениях»¹⁰⁶. Женщины получили «новое экономическое гражданство» и более заметное положение в общественной политике¹⁰⁷. В английских деревнях, где процветало кустарное производство, сельские жители предпочитали более простые свадьбы вместо больших крестьянских праздников. Радикальные идеи брака, основанные на взаимных чувствах, а не на имуществе, пришлись по душе сельским и городским плебейам, которые уже практиковали более «гибкие» формы брака¹⁰⁸.

Плебейскому вызову патриархальной власти снизу вторил вызов философов сверху, когда споры о женщинах и семье охватили свободных мыслителей эпохи Просвещения. Хотя философы не занимались непосредственно освобождением женщин, они совершенно по-новому подошли к обсуждению женских ролей, открыв вопросы различий полов и потенциала равенства женщин. В отличие от религиозных радикалов XVII века, философы основывали свое мышление не на особых отношениях человека с Богом, а на роли образования и окружающей среды в формировании потенциала, заложенного в каждом человеке (мужчине). Рассуждая логически, многие философы пришли от представления о том, что образование может играть решающую роль в формировании человеческой личности, к вопросу о половых различиях и «женском характере»¹⁰⁹.

Хотя в значительной мере идеи философов были новыми, их выводы в целом оставались консервативными. Дидро, например, критиковал многие институты и обычаи, сдерживавшие женщин, но при этом считал, что женщины отличаются врожденной склонностью к истерии, не способны к длительной умственной концентрации и в конечном итоге не могут достичь гениальности. Поль Гольбах утверждал, что женщины не имеют способностей к рационализму, справедливой оценке и абстрактному мышлению. Большинство философов подчер-

¹⁰⁴ Ibid. – P. 101, 135, 100, 102.

¹⁰⁵ Например, во Франции XVIII века от 50 до 90 % земельных владений были недостаточны для содержания семьи. См.: Hufton, Olwen. *Women, Work and Marriage in Eighteenth Century France* // *Marriage and Society. Studies in the Social History of Marriage* / ed. R.B. Outhwaite. – New York: St. Martin's Press, 1981. – P. 186–203. Что касается Англии, см.: Hill, Bridget. *Women, Work and Sexual Politics in Eighteenth Century England*. – Oxford: Basil Blackwell, 1989.

¹⁰⁶ Braun, Rudolf. *The Impact of Cottage Industry on an Agricultural Population* // *The Rise of Capitalism* / ed. David Landes. – New York: Macmillan, 1966. – P. 58. Этому процессу, известному как protoиндустриализация, было уделено много внимания. См., например: Medick, Hans. *The Protoindustrial Family Economy: The Structural Function of Household and Family during the Transition from Peasant Society to Industrial Capitalism* // *Social History*. – 1976. – № 1. – P. 291–315; Levine, David. *Proto-Industrialization and Demographic Upheaval* // *Essays on the Family and Historical Change* / ed. David Levine. – Texas A & M University Press, College Station, 1983. – P. 9–34; Levine, David. *Industrialization and the Proletarian Family in England* // *Past and Present*. – May 1985. – № 107. – P. 168–203; Fischer, Wolfram. *Rural Industrialization and Population Change* // *Comparative Studies in Society and History*. – March 1973. – Vol. 15. – № 2. – P. 158–170.

¹⁰⁷ Bohstedt, John. *The Myth of the Feminine Food Riot: Women as Proto-Citizens in English Community Politics, 1790–1810* // *Women and Politics in the Age of the Democratic Revolution* / ed. Harriet Applewhite, Darline Levy. – University of Michigan Press, Ann Arbor, 1990. – P. 34, 35.

¹⁰⁸ Gillis, John. *Peasant, Plebeian, and Proletarian Marriage in Britain, 1600–1900* // *Proletarianization and Family History* / ed. David Levine. – New York: Academic Press, 1984. – P. 138–150.

¹⁰⁹ Clinton, Katherine. *Femme et Philosophe: Enlightenment Origins of Feminism* // *Eighteenth Century Studies*. – 1975. – № 8.

кивали исключительно домашнюю роль женщины и отрицали конечную возможность равенства¹¹⁰.

Как и пуритане, философы отстаивали идеал брака для среднего класса, основанный на моногамии, взаимной привязанности и товариществе. Однако, в отличие от пуритан, они делали меньший акцент на подчинении женщины мужчине, хотя их взгляды на брак все еще в значительной степени формировались под влиянием мужских потребностей. Идеальная жена Руссо основывалась на его «рациональной» оценке требований идеального мужчины, а реформы брачного законодательства и сексуальных нравов Гельвеция разрабатывались с учетом мужских интересов¹¹¹. Однако их критика брака носила светский характер. Как и новые плебейские обычаи, возникшие среди рабочих кустарного производства, они тоже бросали вызов «патриархату, установленному Богом»¹¹².

Наиболее радикально настроенные философы ставили под сомнение «естественное» превосходство мужчин и выступали за расширение образовательных возможностей для женщин. Вольтер и Дидро оспаривали юридическое неравенство женщин, а Монтескье утверждал, что «женский характер» – не врожденное свойство, а результат плохого образования и ограниченных возможностей. Поднимая идею человеческого потенциала, эти мыслители открыли путь к новым концепциям гражданства и политических прав. Некоторые выступали за гражданское равенство для всех, мужчин и женщин, хотя ни один из них не покусился всерьез на институты брака и семьи или разделение труда по признаку пола¹¹³. Философы в основном были озабочены тем, что атмосфера легкомыслия и упадочничества могут развращают женщин, уводя от таких характерных для них «добродетелей», как простота, бережливость и домашний уют. Однако их критика, по самой своей природе, рассматривала лишь «недостатки» представительниц аристократии – единственной группы, которая могла позволить себе роскошь подобного развращения¹¹⁴.

Хотя многие историки сходятся во мнении, что «век света» оставил женщин в темноте, на самом деле идеи философов более или менее соответствовали отношению женщин к преобладающему способу производства¹¹⁵. Философы были не способны глубоко задуматься о роли женщин, потому что в балансе производства и воспроизводства не произошло масштабных экономических нарушений. Несмотря на изменения, вызванные ростом домашней промышленности на протяжении XVIII века, домашнее хозяйство по-прежнему оставалось основной производственной единицей и подавляющее большинство женщин в сельской местности и городах были прочно интегрированы в семейную экономику. В результате проникновения рынка в сельскую местность женщины занялись различными ремеслами, но эти работы по-прежнему выполнялись дома, в сочетании с традиционными заботами по ведению хозяйства, воспитанию детей, уборке, прядению и починке. На заре Французской революции 85 % населения составляли крестьяне, и даже в городах мало кто из женщин работал в отрыве от мужа

¹¹⁰ Gardner, Elizabeth. *The Philosophes and Women: Sensationalism and Sentiment*; Jimack P.D. *The Paradox of Sophie and Julie: Contemporary Responses to Rousseau's Ideal Wife and Ideal Mother* // *Women and Society in Eighteenth Century France: Essays in Honor of John Stephenson Spink* / ed. E. Jacobs, W. Barber, J. Block, F. Leakey, E. LeBreton. – London: Athlone Press, 1979. – P. 21–24, 152–153.

¹¹¹ Clinton. *Op. cit.* – P. 291–295; Jimack. *Op. cit.* – P. 152.

¹¹² Rendall, Jane. *The Origin of Modern Feminism: Women in Britain, France, and the United States, 1780–1860*. – New York: Macmillan, 1985. – P. 4.

¹¹³ Более благоприятную оценку отношения философов к женщинам см. у Clinton, а также: Tomaselli, Sylvana. *The Enlightenment Debate on Women* // *History Workshop Journal*. – 1985. – № 20.

¹¹⁴ Рассмотрение этого подхода с точки зрения республиканской идеологии см.: Landes, Joan. *Women and the Public Sphere in the Age of Revolution*. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1988.

¹¹⁵ Kleinbaum, Abby R. *Women in the Age of Light* // *Becoming Visible. Women in European History* / ed. Renate Bridenthal, Claudia Koonz. – Boston: Houghton Mifflin, 1977. – P. 233.

или семьи; женская работа оставалась продолжением работы в семье¹¹⁶. Таким образом, идеи философов отражали мир, в котором капитализм и наемный труд еще не разрушили разделение труда в семье, вовлекая большое количество женщин в оплачиваемый труд вне дома. Противоречие между производством и воспроизводством принадлежало будущему, поэтому неудивительно, что философы не стремились к его разрешению.

Ограниченные проявления феминизма во время Французской революции показали, что требования женской эмансипации не могли иметь успеха до тех пор, пока домашнее хозяйство сохраняло главную роль в производстве. У женщин просто не было экономических возможностей за пределами семьи, ведь одинокая женщина не могла выжить только на свою зарплату¹¹⁷. Хотя Кондорсе и другие памфлетисты призывали к равным правам для женщин, во время Французской революции женщины не пытались организовать себя как отдельный электорат, чтобы продвигать самосознательную феминистскую программу. Было несколько смелых голосов – несколько женских газет требовали расширения гражданских прав женщин и ограниченного участия для них в политическом процессе, а Олимп де Гуж написала свою знаменитую «Декларацию прав женщины и гражданина» – но, несмотря на потенциальные возможности продвижения, эти феминистские голоса представляли собой «долю меньшинства». В «Книгах жалоб»¹¹⁸ 1789 года содержалось несколько жалоб, связанных именно с положением женщин, но такие встречались редко, никогда не выносились на прения и даже всерьез не обсуждались¹¹⁹.

Женщины во время Французской революции действовали в основном от имени своего класса, а не пола. Они выступали, бунтовали, создавали женские клубы и вступали в армию, но не как феминистки с четкой программой защиты прав женщин. Политическое брожение открыло новые возможности для участия женщин, и в течение короткого периода весной 1792 года женщины активно пропагандировали концепцию женского гражданства, основанную на их праве носить оружие¹²⁰. Женщины из рабочих классов оказали огромную поддержку революции, но их активность, как и их работа, все еще была сильно обусловлена их ролью в семье. Городские женщины долгое время были ответственны за дополнения к доходам своих мужей, и их участие в хлебных бунтах напрямую вытекало из их роли добытчиков и кормильцев для семей. По словам Олвен Хафтон, «хлебный бунт был отстаиванием родной земли»¹²¹.

Речи о естественных правах и республиканстве привели к пересмотру политических и образовательных ограничений, налагаемых на женщин, но доминирующие голоса революционной эпохи – как мужские, так и женские – по-прежнему считали республиканское материнство основной услугой, которую женщина могла оказать революции. Мэри Уоллстонкрафт в своей книге «Обоснование прав женщины», которую многие считают началом современной феминистской мысли, выступала за расширение возможностей для женщин с тем, чтобы они могли стать лучшими женами и матерями. При этом Уоллстонкрафт по-прежнему придерживалась четко разграниченных ролей для представителей разных полов и строгого разделения

¹¹⁶ Fox-Genovese, Elizabeth. *Women and Work // French Women and the Age of Enlightenment* / ed. Samia Spencer. – Bloomington: Indiana University Press, 1984; а также глава: *Work and Organization* // Rendall. – P. 150.

¹¹⁷ Proctor, Candice. *Women, Equality and the French Revolution*. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1990. – P. 70.

¹¹⁸ Книги жалоб (*Cahiers de doléances*, фр.) – списки жалоб, поданных от лица трех сословий, по приказу короля Людовика XVI во Франции 1789 года с целью разрешения революционной ситуации.

¹¹⁹ Abney, Jane. *Feminism in the French Revolution* // *American Historical Review*. – 1975. – № 80. – P. 59, 47; Graham, Ruth. *Loaves and Liberty // Becoming Visible*. – P. 238–242; Levy, Darline. *Applewhite, Harriet. Women, Democracy and Revolution in Paris* // *French Women and the Age of Enlightenment* / ed. Spencer. – P. 64–67.

¹²⁰ Levy. *Op. cit.* – P. 90; В подтверждение того, что женщины действительно пытались добиться признания в качестве граждан через право голосовать и носить оружие, см. также: Godineau, Dominique. *Masculine and Feminine Political Practice during the French Revolution*. – Ibid.

¹²¹ Hufton, Olwen. *Women in Revolution. 1789–1796* // *Past and Present*. – 1971. – № 53. – P. 94. Аналогичные рассуждения о роли женщин в продовольственных бунтах в первой половине XIX века см. в: Rendall. *Op. cit.* – P. 200–203.

труда. В целом даже самые радикально настроенные феминистские писательницы того периода не смогли «представить себе убедительный образ освобожденной женщины»¹²². Идея республиканского материнства открывала новые возможности для образования, но она мало способствовала освобождению женщин от тесных домашних уз. И консерваторы, и республиканцы делали упор на домашнем хозяйстве, и женщины мало продвигались в более широкую общественную и политическую сферу¹²³.

В конечном итоге Французская революция мало что дала женщинам в целом и еще меньше – женщинам из бедных слоев населения. В 1793 году правительство закрыло независимые женские клубы, а вскоре после этого запретило женщинам участвовать в народных собраниях. Многие из новых правовых свобод Революции, таких как упрощение процедуры развода, права на незаконнорожденных детей и расширение прав собственности для женщин, были ликвидированы Гражданским кодексом Наполеона в 1804 году. Ни на одном этапе Революция не предоставила женщинам политических или гражданских прав¹²⁴.

¹²² Rogers, Katharine. *Feminism in Eighteenth Century England*. – Urbana: University of Illinois Press, 1982. – P. 183–189, 246.

¹²³ Rendall. *Op. cit.* – P. 68, 70.

¹²⁴ Phillips, Roderick. *Women's Emancipation, the Family, and Social Change in Eighteenth Century France* // *Journal of Social History*. – 1974. – № 12; Rogers, Adrienne. *Women and the Law* // *French Women and the Age of Enlightenment*; Johnson, Mary. *Old Wine in New Bottles: Institutional Change for Women of the People during the French Revolution* // *Women, War and Revolution* / ed. Carol Berkin, Clara Lovett. – New York; London: Holmes and Meier, 1980.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.